

Шэнь и Линь (часть 2)

***

Сейчас я научу вас, как нужно утешать Гу Цяня!

***

Шэнь Цзяньвэй сильно изменился. Он всё так же редко улыбался и казался холодным, но в этом холоде теперь чувствовалось тепло. Непроступная стена, которую возвёл вокруг себя когда-то упрямый юноша, за годы обветшала, углы сгладились, а каждое его действие наполнилось спокойствием и порядком.

В больнице его превозносили. Шептались, что новый доктор Шэнь — истинный благородный муж, образец сдержанности и почти аскетичной строгости. Линь Му слышал все эти разговоры и то и дело украдкой поглядывал на него.

Вместе с Цзяньвэем изменилась и сама эпоха. Последние десять лет пролетели стремительно: город преображался на глазах, здания тянулись к облакам, электроника обновлялась быстрее, чем люди успевали к ней привыкнуть. Но важнее всего было то, как тихо и незаметно менялось общественное сознание.

Молодые медсестры в ординаторской без смущения обсуждали сериалы о мужской любви, в новостях мелькали радужные флаги, а гуляя в парке, Линь Му порой видел парней, идущих рука об руку, и никто не бросал на них косых взглядов. Даже в отделении психологии открыли кабинет консультаций по гендерной самоидентификации.

Когда одна из сотрудниц открыто призналась в своей ориентации, никто не стал её сторониться. Напротив, коллеги наперебой давали советы, как завоевать сердце понравившейся девушки, а заведующий строго запретил любые дискриминационные высказывания в её адрес.

«Как же это хорошо», — думал Линь Му.

Он невольно вспоминал те ядовитые сплетни десятилетней давности, которые так его пугали. Тогда они с Шэнь Цзяньвэем могли лишь прятаться, бежать и в одиночестве зализывать раны. Будь им девятнадцать сейчас — неужели им пришлось бы потерять все эти годы?

Впрочем, если быть честным, юноша понимал: это он тогда сдался. На самом деле руководство университета так и не лишило Цзяньвэя стипендии, а соседи по комнате даже пытались его отговорить от переезда. Струсил именно Линь Му. Он не нашел в себе сил встретить бурю

лицом к лицу и теперь мог лишь тихо сокрушаться о прошлом.

А Шэнь Цзяньвэй вернулся, неся на душе груз прожитых лет. Его друг гадал: сколько же боли ему пришлось перенести в городе X?

Цзяньвэй действительно было несладко. Он надеялся, что долгая разлука заставит время проявить милосердие и затянуть старые раны. Но чуда не случилось. За двенадцать лет вдали от города Цзян он так и не сумел обуздать собственное сердце. Слишком поздно он осознал: эта рана не заживает, а Линь Му никогда не был тем вариантом, от которого можно просто отказаться.

Ему нужно было видеть Линь Му. Пусть даже на расстоянии, за чертой, которую больше нельзя пересекать — лишь бы в пределах видимости. И потому он вернулся.

Линь Шань и Цзян Чунью наконец дождались своего «мальчишку» к ужину. Госпожа Цзян накрыла ломящийся от яств стол, а её супруг, притворяясь, будто смотрит телевизор, то и дело косился на дверь. Оба они постарели. Серебро в их волосах стало осадком прожитых лет, и чем дольше была разлука, тем глубже в сердце Шэнь Цзяньвэя вонзалось чувство вины.

Никто не спрашивал, почему он так долго не возвращался. Всё выглядело так, будто его проводили в университет только вчера. Словно они виделись сегодня утром. В этом и заключалась бесконечная нежность семьи Линь: когда-то давно они приютили колючего, израненного ребенка и ни разу не спросили, насколько глубоки его раны.

Лучший способ любить человека — это дать ему дом, в который он всегда может вернуться.

Цзяньвэй молча слушал их домашние рассказы. В его молчании больше не было прежней напряженности, взгляд смягчился, и он лишь изредка вежливо кивал. При родителях Линь Му и Шэнь Цзяньвэй могли перекинуться парой фраз, но всё больше о работе.

— Привык уже к больнице?

— Угу.

— Пациентов много?

— Хватает. В основном на приеме.

— Все говорят, ты врач от бога.

— Я еще только учусь.

Линь Шань и Цзян Чуньюлю обменялись красноречивыми взглядами: эти двое вели себя друг с другом подозрительно вежливо.

После ужина они один за другим вышли за порог. Линь Му не удержался:

— Ты где сейчас устроился? В больничном общежитии?

Шэнь Цзяньвэй даже не взглянул на него и просто зашагал прочь. Этот переулочек хранил обрывки их юности, когда у них не было ничего, кроме друг друга. Теперь же время проломило ограду их прошлого, оставив рваную, кровоточащую рану.

В детстве не нужно было быть мудрым. Обиделся — плачь, и тебя обязательно утешат. Повзрослев и познав законы жизни, человек учится взвешивать выгоду и риски. Линь Му неловко тербил край одежды, выдавив кривую, печальную улыбку вслед ушедшему другу.

***

Работая в одном отделении, они неизбежно сталкивались в коридорах. Но между ними существовал негласный договор: обходить жизни друг друга стороной. Шэнь Цзяньвэй узнавал походку Линь Му издали и, слыша его приближение, невольно замедлял шаг. Линь Му тоже помнил каждый его шаг; проходя мимо, он порой так усердно изучал историю болезни, что держал её вверх тормашками.

Днем, в суете дел, было проще, но ночные дежурства превращались в изощренную пытку. Дежурные врачи обязаны были вместе делать обход тяжелобольных. В палатах, под мерный писк приборов, они стояли по разные стороны кровати, не проронив ни слова. На обратном пути в ординаторскую Линь Му украдкой смотрел на профиль друга — всего на миг, тут же отводя глаза. Шэнь Цзяньвэй смотрел в пол, не давая ни малейшего повода для разговора.

В обеденное время столовая гудела как улей. Линь Му, заходя, первым делом искал глазами Цзяньвэя, чтобы выбрать самый дальний от него столик. А потом всё равно не мог удержаться и подглядывал: через весь зал он видел, как тот перед едой тщательно протирает палочки. Этой привычке его с детства учила госпожа Цзян Чуньюлю. Линь Му чувствовал, как в груди закипает горечь, и, опустив голову, ловил себя на том, что сам делает то же самое.

Когда в ординаторской оставалась лишь одна свободная кровать, ни один из них не решался на неё лечь. Так они и проводили ночь, склонившись над столами. Утром оба выходили с красными от недосыпа глазами, не говоря ни слова, а атмосфера вокруг них была настолько тяжелой, что её, казалось, можно было потрогать руками.

Всё это происходило лишь тогда, когда рядом не было посторонних. Их новая встреча вышла донельзя нелепой.

Линь Му прошел путь от интерна до опытного хирурга, двенадцать лет пахая в больничных стенах. Его знания были фундаментальными, а опыт — колоссальным. Шэнь Цзяньвэй же был самым молодым доктором наук из Университета X, восходящей звездой медицины, человеком точных расчетов и безупречной логики. Два разных стиля в одном отделении.

Если при свидетелях этих двоих сводили вместе, начиналось настоящее представление. Стоило взглянуть хотя бы на журнал передач смен. Записи одного — размашистые, импульсивные, почти летящие; другого — каллиграфически четкие, строгие и сухие. Доктор Линь и доктор Шэнь никогда не выходили на обход одновременно, но в журнале тайно дополняли записи друг друга.

[Пациенту с шестой койки требуется психологическая поддержка]

[Для двадцать четвертого — усилить контроль давления, мониторинг каждый час]

Тихий диалог на страницах бумаги, лишенный звуков.

Иногда им приходилось оперировать вместе. Кроме необходимых по делу реплик, за всё время операции они не обменивались ни единым лишним словом. После выхода из операционной Линь Му всегда слишком резко срывал маску, то и дело больно задевая уши.

Однажды случилось невероятное. После тяжелой смены они вышли вместе. Линь Му по привычке возился с завязками маски, а когда краем глаза заметил Шэнь Цзяньвэя, тело сработало быстрее мозга — он замер, ожидая помощи.

Это был рефлекс, пронесенный через годы. Словно они снова в медицинском институте: после каждой лабораторной Линь Му путался в завязках, и его волосы неизменно сплетались с тесемками. Тогда друг одним точным движением поддевал узелок и аккуратно снимал маску. Уши никогда не болели, и ни один волосок не страдал.

Но это был не институт. Перед ним стоял Шэнь Цзяньвэй двенадцать лет спустя. Он на секунду замедлил шаг, скользнул взглядом по лицу Линь Му и, не останавливаясь, прошел мимо. Воздух в коридоре, казалось, застыл. Линь Му так и остался стоять в нелепой позе, чувствуя, как лицо заливают краска стыда.

— Черт, — вполголоса выругался он на самого себя.

— Линь Му, ну какой же ты идиот.

Он грубо сорвал маску, чуть не оторвав ухо, и еще долго стоял, проклиная собственную глупость.

Личные встречи во время передачи смен были сущим адом — они спорили по любому поводу.

Линь Му тыкал пальцем в блокнот:

— Это еще что такое? Почему ты изменил назначения девятому пациенту, не сказав мне?

— Теперь ты знаешь, — Шэнь Цзяньвэй даже не поднял глаз. — У больного выявили резистентность, пришлось корректировать схему.

— Я и сам вижу, но это мой пациент! — Линь Му не решался смотреть на друга, сверля взглядом бумагу. — Я спрашиваю: почему ты не посоветовался со мной?

— Я ответил: теперь ты в курсе, — собеседник наконец поднял взор. — Решение еще не зафиксировано окончательно, разве это не часть обсуждения?

Линь Му сжал лист в кулаке:

— Я имею в виду, что ты обязан был обсудить это со мной заранее.

— Ах, точно, — холодно отозвался Шэнь Цзяньвэй. — Совсем забыл. Доктор Линь ведь у нас мастер по части «обсуждений». Тебе только и нужно, чтобы все вокруг поддакивали и говорили «хорошо».

Линь Му резко вскинул голову, встретившись с ним взглядом. Слова застряли в горле. С сухим стуком лист бумаги упал на стол. Цзяньвэй аккуратно разгладил его, вложил обратно в историю болезни и, задержав взгляд на Линь Му лишь на мгновение, вышел из ординаторской. Медсестры поспешили ретироваться, а интерны и вовсе боялись дышать.

Но хуже всего были планерки. В конференц-зале они всегда занимали места в противоположных концах стола. В обсуждении клинических случаев они порой проявляли паразитическое единодушие: стоило Линь Му начать мысль, как Цзяньвэй подхватывал её и доводил до конца. Но следом за этим неизменно вспыхивал спор. Они ругались, не глядя друг на друга, уткнувшись в свои записи; их голоса звучали подчеркнуто официально, но за этой сухостью скрывалось бешеное упрямство.

Позже интерны шептались: «Говорят, эти двое еще ни разу не пришли к согласию».

Но самым непонятным было то, что при всей их враждебности в операционной они работали как единый механизм. Ни единого слова — и идеальная слаженность. Несмотря на вечные споры, их записи в журналах дополняли друг друга, а планы лечения плавно перетекали из одного в другой.

— Они что, правда враги?

— Точно тебе говорю! Видела, как они сцепились из-за должности заведующего?

— Но всё же...

Молоденькая медсестра пребывала в замешательстве: разве заклятые враги накрывают спящего коллегу своим пиджаком? Пусть даже это чужой пиджак...

***

С Сяо Су Линь Му столкнулся во время ночного дежурства. В нейрохирургию привезли ребенка с кровоизлиянием в ствол мозга. Говорили, малыш упал в приюте; ни родных, ни близких — круглая сирота. Глядя на его бледное личико, врач всякий раз вспоминал другого «грязного мальчишку» из далекого прошлого.

После смены он не спешил домой, а шел в палату к ребенку. Сяо Су был очень худеньким, но его глаза сияли умом; он внимательно слушал всё, что говорил ему Линь Му. Линь Му рассказывал сказки, истории из своего детства и иногда упоминал об одном очень хорошем друге.

— Он удивительный. С самого детства учился лучше всех и меня за собой тянул.

— А где он сейчас?

— Он... — улыбка Линь Му на миг погасла. — Он здесь.

Если бы Сяо Су мог ходить в школу, он был бы уже в третьем классе. Мальчик был смышлен и всем сердцем полюбил доброго доктора. Но была одна странность: стоило Линь Му уйти, как в палату заходил высокий врач в маске. Этот человек был неразговорчив, проводил у кровати совсем немного времени — проверял приборы, капельницу и листал историю болезни. От него веяло холодом, и поначалу Сяо Су даже боялся заговорить.

Однажды мальчик всё же набрался смелости:

— Почему вы всегда в маске? Я даже не знаю, как вы выглядите.

Врач обернулся:

— Привычка.

— Понятно, — легко согласился ребенок. — А вы знаете доктора Линь Му?

Собеседник кивнул. Сяо Су понизил голос до шепота:

— А вы знаете того злого доктора Шэня?

Врач на мгновение замер, затем медленно кивнул:

— Знаю.

— Он правда такой плохой? — спросил Сяо Су. — Медсестры говорят, он хочет отобрать у доктора Линь Му что-то... какую-то «должность заведующего».

Человек в маске не стал спорить:

— Да. Он очень плохой.

— Ох, — расстроился Сяо Су. — Как же тогда доктор Линь? Кто его защитит?

Врач, казалось, тихо хмыкнул, и его глаза за маской чуть сощурились.

— Я защищу.

Позже, придя на обход, Линь Му обнаружил в истории болезни Сяо Су новую строку: [Рекомендую КТ мозга через день — Шэнь Цзяньвэй]. Он посмотрел на запись, затем на тарелку с клубникой у кровати.

Малыш доверительно сообщил:

— Тот врач в маске обещал помочь тебе проучить злоку Шэня.

Линь Му не смог сдержать смешка:

— Что еще за врач в маске и «злока»? Ну и фантазер ты у нас, Сяо Су.

Малыш просиял от похвалы и настоял на том, чтобы Линь Му попробовал клубнику, которую принес загадочный доктор.

***

Линь Шань установил твердое правило: раз в неделю сыновья обязаны обедать дома. Вечерний

летний ветерок приносил аромат цветов акации, белый ковер из лепестков устилал дорожку к дому, а стрекот цикад казался бесконечным. За столом всё шло по-прежнему: подчеркнутая вежливость, а после ужина — молчаливый уход.

В этот раз Шэнь Цзяньвэй остановился у калитки и закурил. Линь Му замер позади, не решаясь подойти ближе.

— Научился курить, значит, — нарушил он тишину.

— Угу, — не оборачиваясь, отозвался Цзяньвэй.

Линь Му смотрел на его спину:

— Как ты... как жизнь?

«Как она может быть хорошей?» — Линь Му тут же прикусил язык, понимая, какую глупость сморозил. Шэнь Цзяньвэй выпустил густое облако дыма:

— А для тебя это важно?

Линь Му опустил голову, до боли сжимая пальцы. Всё, о чем он мечтал, все старые сны были заперты в его сердце; старая акация молчала, а в груди жгло.

— Шэнь Цзяньвэй, — тихо сказал он. — Ненавидь меня. Я был слишком эгоистичен и никогда не думал о твоих чувствах.

Цзяньвэй обернулся. Перед ним стоял человек, понуро опустивший голову среди осыпающихся белых лепестков. Линь Му был прекрасен душой — романтичный, нежный, бесконечно добрый. Такие люди рождаются, чтобы быть поэтами, мечтателями... и теми, кого обожают.

Для Шэнь Цзяньвэя Линь Му был синонимом покоя, уюта и безопасности. Но он же был источником его тревог, смятения и бед.

— Я не ненавижу тебя, — голос Цзяньвэя был тихим, как падающий лепесток. — Я никогда не смогу тебя ненавидеть. Я ненавижу только самого себя.

С этими словами он бросил окурок в переносную пепельницу. Его шаги были легкими и не нарушили тишины летней ночи.

***

В нейрохирургию поступил экстренный пациент: тяжелая черепно-мозговая травма, эпидуральная гематома, критическое внутричерепное давление. Еще немного — и началось бы вклинение мозга. Шэнь Цзяньвэй провел три операции подряд, с трех часов ночи до полудня. Он удалял гематомы, проводил декомпрессию, купировал субарахноидальное кровоизлияние и устанавливал датчики давления. Он спас жизнь, сведя к минимуму необратимые повреждения.

Но пациент был в преклонном возрасте, и прогнозы оставались неутешительными. Такие травмы неизбежно оставляли след, даже если больной выживал. Цзяньвэй честно изложил ситуацию родственникам, подробно описав все возможные последствия.

Сначала была жалоба, а к вечеру в ординаторской начался ад.

— Почему вы, врачи, распоряжаетесь жизнью моего отца?!

— Решили сделать его овощем, раз денег мало дали?!

— Откуда нам брать средства на уход за инвалидом?!

Когда Линь Му прибежал на шум, родственник уже выхватил нож. Его глаза были налиты кровью, он требовал доктора Шэня. В руках у него был обычный кухонный нож, принесенный, видимо, из палаты.

— Где Шэнь Цзяньвэй?! Пусть выйдет!

В коридоре началась паника. Линь Му увидел в окно, как к корпусу бегут охранники с дубинками.

— Сэр, успокойтесь. Давайте поговорим, расскажите, что вас беспокоит, — Линь Му медленно поднял руки, показывая, что безоружен. — Я могу вам помочь.

Вид белого халата лишь сильнее взбесил мужчину:

— Мне не о чем с тобой тереть! Вы все заодно! Подайте мне Шэнь Цзяньвэя!

Он начал беспорядочно размахивать ножом, зацепив стоявшую рядом медсестру. Больные и их близкие в ужасе прижимались к стенам, пытаясь увести детей, но в узком коридоре спрятаться было негде. Линь Му увидел, как обезумевший человек двинулся к толпе, и закричал:

— Шэнь Цзяньвэй — это я! Я Шэнь Цзяньвэй! Не трогайте невинных!

Дальше воцарился хаос. Всё произошло слишком быстро. Нападающий бросился вперед. У

Линь Му был шанс спастись — прямо за спиной была дверь на лестницу, стоило лишь толкнуть её и бежать.

Но это был час обхода. Родственники пациентов из гериатрии как раз вышли в коридор: старики в инвалидных креслах, калеки на костылях... Линь Му мог увернуться, а они — нет. И он остался на месте.

Под истошные крики лезвие распорол белый халат и вошло в плоть. Раз, другой... Линь Му рухнул на дверь ординаторской, пытаясь оттолкнуть нападавшего, но тот, ослепленный яростью, обладал нечеловеческой силой, стремясь выплеснуть всё свое отчаяние на человека в белом. Люди бросились на помощь, пытаясь скрутить преступника, но было слишком поздно.

Линь Му сполз на пол. Звуки вокруг стали глухими, словно через слой ваты. В щели под дверь ординаторской он увидел полоску света. Там, за дверью, после тяжелой смены спал Шэнь Цзяньвэй. Он был в берушах и маске, пытаясь выкроить хоть час отдыха.

Ему снился Линь Му. Снилось, как тот капризно требует конфет и велит больше никогда не плакать. Во сне Цзяньвэй и злился, и смеялся одновременно, отвечая, что и не думал плакать. А Линь Му, сияя улыбкой, заставлял его обещать на мизинчиках. Цзяньвэй ворчал: «Я еще сержусь на тебя, не буду я обещать». Друг продолжал смеяться — той самой открытой, чудесной улыбкой, которая была у него только до восемнадцати лет.

У Шэнь Цзяньвэя защемило сердце, и он проснулся. Сквозь сон он услышал какой-то шум снаружи. Сняв маску и беруши, он вздрогнул от ворвавшихся в комнату криков. Зрение еще не адаптировалось к свету, когда его резануло алым пятном. Под дверь медленно затекала лужа крови, растекаясь по линолеуму.

Кто-то кричал:

— Доктор Линь! Доктор Линь, очнитесь!

— Держите его!

***

Шэнь Цзяньвэй больше часа простоял у дверей реанимации. Он смотрел на табличку, не слыша ничего вокруг. Свет над дверью погас, и Линь Му вывезли на каталке. Шэнь Цзяньвэй шел следом как привязанный. Кто-то пытался его остановить, кто-то тянул за руку, но он не замечал.

Поскольку дело было уголовным, тело нужно было доставить в экспертный отдел. Цзяньвэй последовал и туда. Он не видел лиц окружающих, ему было всё равно. Он откинул белую простынь и взял руку Линь Му в свои ладони, пытаясь согреть. Но она оставалась ледяной.

Он заторможенно моргнул и припал ухом к груди друга, надеясь услышать сердцебиение. Тишина. В чем же дело? Линь Му ведь так боялся боли. Он плакал, даже если его просто легонько хлопали по руке. Шэнь Цзяньвэй легонько шлепнул его по ладони. Линь Му не шелохнулся. Тогда Цзяньвэй взял его руку и легонько прикусил палец. Плакса не отреагировал.

Шэнь Цзяньвэй ничего не понимал. Он прижался лбом к его переносице, впервые не таясь и обнимая его всем телом.

— Почему ты не плачешь? — прошептал он в лицо другу. — Разве тебе не больно?

***

Шэнь Цзяньвэй не помнил, как вернулся в ординаторскую и что было потом. В чувство его привела резкая пощечина Линь Шаня. Когда супруги Линь нашли его, он сидел за своим столом, не отрывая взгляда от кружки Линь Му. Его глаза были широко распахнуты, слезы непрерывным потоком катились по щекам, но сам он был неподвижен. Цзянь Чунью обнимала его, что-то говорила, но он не реагировал. Время для него остановилось.

Внезапно он схватил со стола ручку и, нащупав сонную артерию, замахнулся.

— Что ты творишь?! — Линь Шань перехватил его руку, но Цзяньвэй уже тянулся другой к ножу для бумаг. Линь Шань выбил нож и наотмашь ударил юношу по лицу.

Голова Шэнь Цзяньвэя дернулась, он замер на мгновение, а затем вцепился в руку Линь Шаня, шепча дрожащими губами:

— Простите... простите меня, простите, простите...

Он снова стал тем «грязным мальчишкой», забитым ребенком, который умел только просить прощения. Госпожа Цзянь не выдержала и, обняв его, зарыдала в голос, почти теряя сознание. Линь Шань отобрал у него ручку и крепко прижал к себе.

— У нас остался только один сын. Если и ты уйдешь — как нам жить?!

***

Линь Му видел собственное тело под белой простыней. Видел, как плачут родители, видел, как Шэнь Цзяньвэй пытается покончить с собой. Он кричал им, но его никто не слышал. Внезапно его за руку схватила холодная ладошка.

Сяо Су горько плакал, зовя своего «братика Линь Му». Мальчик впал в кому, и его душа

покинула тело; ему некуда было идти, и он не знал, что делать. Линь Му был в таком же положении: днем он по привычке возвращался домой к родителям, а после шел в больницу к Цзяньвэю.

Иногда Сяо Су пытался его развлечь, рассказывая, что быть призраком даже весело. Он где-то раздобыл смартфон и нашел странный форум.

— Смотри, братик, призраки тоже могут писать посты! Этот Гу Цянь и Златовласка очень знамениты, они, кажется, очень крутые. А Гу Цянь...

Малыш не знал, как утешить брата, и просто без умолку болтал, как когда-то сам Линь Му болтал с ним в палате. Но его «братик» больше не улыбался.

Однажды, когда они вышли из больницы и проходили по Сянхуа-лу, их ноги словно приросли к земле. Группа людей окружила их, радуясь поимке «свежих призраков». Линь Му хотел попросить их передать весточку живым, но те люди просто заперли их на складе вместе с другими душами.

Сяо Су был ловким малым; он смог выскользнуть из светящихся пут. Первым делом он бросился на помощь Линь Му. В центре склада стояло огромное зеркало, в котором отражалось всё происходящее; ловцы заметили побег.

— Прячься! — прошептал Линь Му.

Малыш не хотел уходить, но его друг настоял: он не понимал, что это за ловушка, но знал, что Сяо Су еще может вернуться к жизни. Линь Му намеренно начал шуметь, отвлекая внимание на себя. Удары ловцов были тяжелыми; он чувствовал, как его сознание угасает, а боль была такой, будто с костей заживо срезают мясо. Он звал Шэнь Цзяньвэя, твердя, как ему больно.

Золотой свет прорезал тьму, и Линь Му очнулся от агонии. Сквозь сияние он увидел мужчину со светлыми волосами — тот выглядел очень грозно. Ловцы оказались иностранцами; их странный акцент выплюнул какое-то имя, и это имя привело златовласого в ярость. За одно лишь оскорбление он едва не забил их до смерти.

Линь Му вспомнил Шэнь Цзяньвэя. Этот златовласый мужчина с такой естественной гордостью заявлял: «Не смейте говорить гадости о Гу Цяне». В его словах была такая сила и бесстрашие.

А потом пришел сам Гу Цянь. Линь Му видел, как грозный воин расплакался при виде него, а Гу Цянь, не таясь, вытирал ему слезы на глазах у всех. И Линь Му снова подумал о Цзяньвэе. Оказывается, двое мужчин могут так относиться друг к другу. Могут открыто проявлять нежность, защищать друг друга и смотреть с такой бесконечной преданностью.

Сяо Су потянул его за руку, прося не бояться. Линь Му не боялся — ему было невыносимо грустно, и он отчаянно хотел к Шэнь Цзяньвэйю. Когда незнакомцы собрались уходить, он не стал долго раздумывать. Он видел, что это люди необычные, способные решать дела обоих миров. Он хотел просить о помощи, но слова застряли в горле. Он боялся, что если заговорит, его тут же упокоят и отправят прочь.

В итоге его взгляд упал на чью-то ногу. Шантажировать людей — это было подло. Линь Му проклинал свою трусость, понимая, что этот нелепый поступок — его последний шанс. Он искренне извинился и, пока Златовласка болтал с Сяо Су, крепко обхватил его ногу.

***

Всю последнюю неделю Шэнь Цзяньвэй жил как в тумане. Он был человеком ответственным и решил подготовить всё заранее. В кратчайшие сроки он завершил дела на работе, связался с юристом для передачи имущества и даже нашел надежное агентство домашнего персонала — позже адвокат найдет помощницу для родителей Линь Му. Цзяньвэй не знал, что ждет его после смерти, но точно знал, что Линь Му там будет одиноко.

В то утро он написал предсмертную записку. Но тогда же в его кабинет вошли двое молодых людей. И Шэнь Цзяньвэй решил: «Проведу эту операцию, а потом уйду вслед за ним».

И вот теперь он смотрел на Линь Му, стоявшего перед ним.

— Линь Му... что я должен сделать, чтобы ты понял: ты и был моей жизнью?

— Если бы меня не было... — губы Шэнь Цзяньвэя дрогнули в горькой усмешке. — Если бы я не вернулся, если бы не та операция... Мне не стоило выживать тогда, в детстве. Лучше бы я умер еще тогда.

— Шэнь Цзяньвэй! — Линь Му бросился к нему, в слезах колотя его по плечам. — Что ты такое несешь?!

— Ты хоть понимаешь... если бы не ты, я бы никогда не стал врачом! — захлебываясь слезами, кричал Линь Му. — Знаешь, скольких людей я спас за эти годы? Всё из-за тебя! Потому что ты был в моей жизни! Ты... ты и есть моя жизнь!

Шэнь Цзяньвэй замер, ошеломленный. Он долго смотрел на друга, затем прикрыл глаза рукой и замолчал. Линь Му, всхлипывая, как в детстве, заглянул ему в лицо:

— Ты что, плачешь?

Шэнь Цзяньвэй внезапно снова стал тем самым мальчишкой. Он отвернулся, пряча лицо в ладонях:

— Как же ты меня бесишь.

Когда истинные чувства обнажены, слова о смерти и самопожертвовании срываются с языка сами собой. Хоть они и не договорили о многом из прошлого, по обрывкам фраз общая картина уже сложилась.

За дверью старый врач в клинике прислушался к шуму, покачал головой и подумал: «Ну и молодежь пошла, разговорчивая». В наше время страсти уровня «умру без тебя» казались ему пережитком прошлого. Он вернулся к экрану своего смартфона, где шел прямой эфир.

— Ой, спасибо моей сестренке Цзыхуа за поцелуйчик! Что? Выступить? Да я тут сплетни подслушивал... Ладно, сейчас я вам зачитаю рэп!

Старик надел гарнитуру и начал ритмично кивать в такт биту.

***

— Значит, ты просто украл его ногу? — Шэнь Цзяньвэй по привычке взял руки Линь Му в свои, пытается согреть. — А я-то гадал, почему они на меня так волком смотрели.

— Да не на тебя они смотрели... — Линь Му виновато опустил голову. — На меня. Я же прямо у тебя за спиной парил.

Цзи Лююнь внезапно всхлипнул:

— Я... я всего лишь потерял ногу! Одну несчастную ногу! А он потерял любовь, у-у-у!

Гу Цянь зажал ему рот ладонью.

— Спасибо вам большое, — Линь Му повернулся к Гу Цяню и Цзи Лююню. — Теперь я спокоен.

Практик Инь фыркнул:

— Да ладно? Судя по тому, как вы вцепились друг в друга, на «спокойствие» это мало похоже.

Видеть этих двоих, годами терзавших себя и наконец нашедших утешение в объятиях друг друга, было выше человеческих сил. Сердце юноши давно оттаяло, но он продолжал делать вид, что сохраняет строгость. Линь Му тоже хотел бы остаться подольше, но понимал, что и так натворил дел, и просить о большем было бы наглостью.

Тут Златовласка вытер слезы и с важным видом выпрямился:

— Вы что, думаете, Гу Цянь такой добренький? А? За кого вы его принимаете?

Гу Цянь: [?]

Шэнь Цзяньвэй, Линь Му: «...»

— Я вам так скажу: нашего Гу Цяня очень сложно задобрить. Далеко не каждому это под силу!

Когда этот «глупый пёс» начинал говорить серьезно, это не сулило ничего хорошего. Практик Инь почувствовал подвох, и предчувствие его не обмануло.

— А сейчас я научу вас, как нужно утешать Гу Цяня! — торжественно объявил Цзи Лююнь.

С этими словами он стремительно прижался лицом к щеке своего спутника. Слезы снова брызнули из его глаз.

— Гу Цянь, давай поможем им, а? Я тебе всех врагов перебью, ладно?

— Гу Цянь, Гу Цянь, я тебе денег заработаю, пирожных накоплю! Пожалуйста!

— Мы же должны не только карать, но и миловать!

Собеседник попытался его оттолкнуть:

— Ты используешь эти слова не к месту.

Но Цзи Лююню было всё равно. Он-то знал свой маленький секрет: Гу Цянь всегда уступает ласке. И он ни за что не выдаст эту тайну посторонним.

После этой порции сокрушительной нежности юноша едва не задохнулся; серьезная мина не продержалась и трех минут. Он и сам понимал, что должен помочь. Линь Му посеял добрые семена, заботясь о Сяо Су; Сяо Су обратился к Цзи Лююню; Цзи Лююнь ввязался в это дело и потерял ногу; Гу Цянь в поисках ноги встретил Шэнь Цзяньвэя; а Шэнь Цзяньвэй, надеясь на весточку, остался в живых и увидел Линь Му.

Выпади хоть одно звено из этой цепи — и они не сидели бы сейчас все четверо друг против друга. Судьба и причинно-следственные связи — штука удивительная; никогда не знаешь, когда твоя жизнь переплетется с чужой.

Он видел эти связи слишком ясно, чтобы не позволить этой истории закончиться счастливо. Глупый пёс продолжал липнуть к нему, и лицо практик Инь окончательно потеряло остатки

суровости.

— Помогу я, помогу! Только не дави на меня, отойди!

***

От автора

<http://bllate.org/book/15848/1436797>